

Ю. Д. Шмидт ^{а)}, Н. В. Ивашина ^{б)}^{а, б)} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация^{а)} <https://orcid.org/0000-0002-9628-5455>^{б)} <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876>, e-mail: ivashina.nv@dvfu.ru

Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе¹

В работе анализируются инструменты миграционной политики, реализуемые в последнее время в Дальневосточном регионе России: Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, программа «Дальневосточный гектар», формирование территорий опережающего развития и территорий со специальным режимом предпринимательской деятельности. Для количественной оценки влияния новых инструментов на миграционный отток населения из регионов Дальневосточного федерального округа в работе используется метод синтетической контрольной группы (*synthetic control method*). На основе этого метода с использованием статистических данных для каждого субъекта Дальневосточного федерального округа формируется синтетический контрольный регион из субъектов Сибирского федерального округа (в которых оцениваемые инструменты миграционной политики не применялись), близкий по траектории социально-экономического развития и миграционным потокам, в период, предшествующий реализации исследуемых инструментов. Для анализа влияния изменений миграционной политики на миграционный отток для каждого субъекта Дальневосточного федерального округа за период 2011–2018 гг. были сформированы оценки, представляющие собой разность между величиной миграционного оттока из Дальневосточного региона и синтетического контрольного региона. Результаты исследования показали, что средние значения оценок отрицательны и статистически значимо отличаются от нуля, то есть реализация новых инструментов миграционной политики в совокупности положительно влияет на уменьшение миграционного оттока населения из регионов Дальнего Востока России, и данные инструменты можно рассматривать в качестве факторов, сдерживающих миграционную активность населения. В качестве продолжения данного исследования планируется отдельно оценить результативность каждого инструмента миграционной политики, реализуемого в Дальневосточном федеральном округе.

Ключевые слова: миграционная политика, государственные программы, Дальний Восток, миграционный отток, контрольная группа, синтетический регион

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19–010–00206).

Для цитирования: Шмидт Ю. Д., Ивашина Н. В. Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 902–916. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-13>.

¹ © Шмидт Ю. Д., Ивашина Н. В. Текст. 2021.

RESEARCH ARTICLE

Yury D. Shmidt ^{a)}, Natalya V. Ivashina ^{b)}^{a, b)} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation^{a)} <https://orcid.org/0000-0002-9628-5455>^{b)} <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876>, e-mail: ivashina.nv@dvfu.ru**Assessment of Migration Policy Measures Implemented in the Russian Far East**

The present paper analyses migration policy measures implemented in the Russian Far East, namely, State Programme to Assist the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation, the Far-Eastern Hectare Programme, establishment of Priority Development Areas (PDAs) and territories with a special regime of economic activity. The synthetic control method was applied to quantitatively assess how the adopted measures affect the migration outflow from regions of the Far Eastern Federal District. According to this method and relevant statistics, constituent entities of the Far Eastern Federal District were compared with control regions of the Siberian Federal District, where these policy tools have not been introduced. Comparable areas had similar socio-economic development trends and migration flows in the period preceding the implementation of the state programmes. To analyse the impact of migration policy changes in 2011–2018, the difference between outflow values of the Far Eastern and synthetic control regions was calculated. The results showed that the average estimated values are negative and significantly different from zero. This indicates a positive effect of new migration mitigation measures on reducing the outflow from the Russian Far East. Future research will separately assess the effectiveness of each migration policy tool implemented in the Far Eastern Federal District.

Keywords: migration policy, state programmes, the Russian Far East, migration outflow, control group, synthetic control region

Acknowledgments

The article has been prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (the project No. 19-010-00206).

For citation: Shmidt, Yu. D. & Ivashina, N. V. (2021). Assessment of Migration Policy Measures Implemented in the Russian Far East. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 17(3), 902-916, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-13>.

Введение

Миграционное поведение людей динамично и достаточно остро реагирует на любые изменения социально-экономических и общественно-политических условий и событий, особенно на военные конфликты, кризисы и катастрофы. При этом миграционные потоки значительно и быстро изменяются, что приносит, как правило, не только положительные результаты, но и негативные последствия и угрозы для многих территорий и стран. Поэтому формирование и своевременное адаптационное совершенствование миграционной политики имеет огромное значение для любой страны. Для совершенствования миграционной политики необходим своевременный анализ реализуемой миграционной политики, ее инструментов и их результативности.

В настоящее время многие теоретические и методические вопросы оценки результативности и эффективности инструментов миграционной политики остаются открытыми. Более того, нет единообразия толкования используемых в данной области терминов, часто происходит невольная подмена одних понятий другими. Различают понятия результатив-

ности (достигнутые результаты), продуктивности (степень достижения поставленной цели), эффективности (соотношение полученных результатов к произведенным при этом затратам) и действенности (означает лучший возможный компромисс между разноречивыми задачами и условиями их реализации) [1].

Другая важная проблема, которая затрудняет и часто не позволяет провести объективную оценку реализуемых инструментов региональной и миграционной политики — отсутствие необходимых статистических данных, отсутствие однозначных индикаторов, характеризующих результативность инструментов, существование огромного количества других факторов и условий, влияющих на конечный результат, влияние которых сложно устранить или учесть при оценке результативности исследуемых инструментов.

В последние годы изменилась миграционная политика России, она стала более активной в вопросах привлечения мигрантов и их адаптации на новом месте жительства, но не уделяет должного внимания проблеме эмиграции из России. 31 октября 2018 г. была утверждена новая Концепция государственной ми-

грационной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. — важный стратегический документ, который нацелен на решение тех насущных проблем, за исключением эмиграции, которые накопились в сфере регулирования миграционных процессов как в целом в стране, так и в регионах. В Дальневосточном федеральном округе (ДФО) применяются новые инструменты для привлечения переселенцев и закрепления коренных жителей в этом регионе, уменьшения миграционного оттока в регионе.

Цель данного исследования — анализ реализации миграционной политики в Дальневосточном регионе России и количественная оценка результативности новых инструментов миграционной политики.

В настоящее время в научной литературе существует ряд методических подходов, которые используются для оценки результативности миграционной политики. Для выявления причинно-следственных связей успешно применяются эконометрические модели, которые позволяют выявить статистически значимое влияние различных мер и факторов на исследуемые экономические процессы и явления [2–4]. Однако для применения эконометрических моделей необходим достаточно большой объем наблюдений, исходных данных. В нашем случае объем наблюдений по годам явно недостаточен для построения эконометрической модели оценки влияния изменений в миграционной политике на миграционный отток населения из Дальневосточного региона.

В международной практике уже сформировано общее понимание миграционной политики в виде системы институтов, правовых норм, механизмов и практик, направленных на регулирование уровня миграции и защиту мигрантов. Исходя из такого понимания миграционной политики, в 2016 г. в рамках Международной организации по миграции был разработан индекс миграционной политики (Migration Government Index). В этом индексе для анализа миграционной политики используются 74 показателя, которые сгруппированы в следующие разделы: институциональный потенциал государства, права мигрантов, безопасность и упорядоченность миграции, управление трудовой миграцией, региональное и международное сотрудничество [5].

Оценка миграционной политики разных стран с позиций соблюдения и обеспечения прав мигрантов содержится в работах [6, 7]. Можно выделить следующие методические подходы оценки инструментов миграционной политики [9]:

- оценка эффективности реализации инструмента (соизмерение полученных результатов и общих издержек реализации инструмента);

- сравнение результатов применения инструментов миграционной политики с возможными последствиями в случае их неприменения;

- оценка результативности инструментов по отдельным выделенным индикаторам;

- оценка степени достижения установленных целей реализации инструментов.

Каждый из этих подходов имеет свои сильные и слабые стороны [8–11].

Анализ демографической ситуации на Дальнем Востоке России

Миграционные процессы на Дальнем Востоке России с конца XIX в. были объектом пристального внимания государства. До 1990 г. миграционные процессы оказывали существенное влияние на прирост населения региона, проводилась активная государственная политика по привлечению трудовых мигрантов, переселенцев для освоения территории.

Миграционная политика в эти годы основывалась на принципах создания льгот для привлечения и закрепления населения на территории Дальнего Востока России, материального стимулирования и обеспечения более высокого уровня жизни населения. Вплоть до 1991 г. темпы роста населения на Дальнем Востоке были самыми высокими в России [12]. С 1991 г. демографическая ситуация в регионе стала меняться в худшую сторону (табл. 1).

С 1991 г. по 2020 г. Дальний Восток потерял почти 2 млн чел., что составило 24,6 % всего населения региона. Миграционный отток из региона за этот период составил 1775,5 тыс. чел., то есть 89,1 % от всей убыли населения (табл. 2). В настоящее время динамика миграционных процессов на Дальнем Востоке России является одним из факторов, сдерживающих экономическое развитие региона.

Стратегической целью демографической политики Дальнего Востока России до 2025 г. является стабилизация численности населения на уровне 6,2 млн чел. к 2020 г. и ее увеличение до 6,5 млн чел. к 2025 г.¹ Для достижения данного значения показателя необходимо, во-первых, уменьшить отток населения

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока. Распоряжение Правительства РФ от 20 июня 2017 г. № 1298-р // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации URL: <http://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: 10.03.2020).

Таблица 1

Численность и среднегодовой прирост населения Дальнего Востока России

Table 1

Population size and average annual growth in the Russian Far East

Год	Численность населения, млн чел.	Среднегодовой прирост за период, %	Доля в численности населения РФ, %
1926	1,6	—	1,7
1939	3,0	6,7	2,8
1959	4,8	3,0	4,1
1970	5,8	1,9	4,5
1989	7,9	1,9	5,4
1991	8,1	1,3	5,4
2000	6,9	-1,6	4,7
2010	6,3	-0,9	4,4
2015	6,195	-0,3	4,2
2016	6,183	-0,20	4,2
2017	6,165	-0,28	4,2
2018	6,131	-0,55	4,18
2019	6,107	-0,39	4,16

Источник: составлено авторами по данным [12, с. 26], Демографический ежегодник России 2019. Стат. сб. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 10.03.2020).

Таблица 2

Динамика численности населения Дальнего Востока России, тыс. чел.

Table 2

Population dynamics of the Russian Far East, thousand people

Годы	Изменение численности населения		Естественные прирост (+), убыль (-)	Миграционные прирост (+), убыль (-)
	абсолютное	относит., %*		
1991–1995	-704	8,74	+14,7	-718,7
1996–2000	-528	7,14	-74,7	-453,3
2001–2005	-285	4,01	-112,8	-172,2
2006–2010	-263	4,02	-35,7	-227,3
2011	-19,1	0,30	-1,3	-17,8
2012	-14,4	0,23	+5,5	-19,9
2013	-24,8	0,40	+8,2	-33,0
2014	-15,3	0,25	+9,3	-24,6
2015	-15,6	0,25	+9,1	-24,7
2016	-12,3	0,20	+5,1	-17,4
2017	-17,7	0,29	-0,6	-17,1
2018	-34,0	0,55	-0,83	-33,15
2019	-24,2	0,39	-7,9	-16,3

Источник: составлено авторами по данным [12, с. 26], Демографический ежегодник России 2019. Стат. сб. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 10.03.2020), Регионы России 2019. Стат. сб. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 15.03.2020).

* Доля изменения к численности населения на начало периода в процентах.

из региона, а во-вторых, активно стимулировать как граждан РФ, так и иностранных граждан к переезду на Дальний Восток.

В последние годы в Дальневосточном федеральном округе реализуется комплекс государственных программ и мероприятий, нацеленных на изменение негативной демографической ситуации в регионе. В июне 2006 г. была утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников,

проживающих за рубежом. Реализация программы нацелена на «стимулирование и организацию процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсацию естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию»¹. В 2007 г. эта про-

¹ О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников,

Таблица 3

Распределение переселившихся в РФ участников Государственной программы и членов их семей по федеральным округам, чел.

Table 3

Distribution of the State programme participants and members of their families who moved to the Russian Federation by federal districts, people

Федеральный округ РФ	Количество переселившихся по годам							2011–2019, %
	2011–2014	2015	2016	2017	2018	2019	2011–2019	
Центральный	109950	77450	66124	47503	40959	40467	382453	42,4
Северо-Западный	32079	14374	8779	11348	8720	8599	83899	9,3
Южный	4384	7533	6938	6586	4097	3318	32856	3,6
Северо-Кавказский	920	2699	1416	896	1000	890	7821	0,9
Приволжский	19278	21837	18974	12534	12131	14018	98772	10,9
Уральский	11016	20473	15151	14906	13460	14569	89575	9,9
Сибирский	51929	28449	16991	19395	20634	20589	157987	17,5
Дальневосточный	16179	10309	7221	5431	4650	6098	49888	5,5
Всего	245735	183124	141594	118600	105659	108548	903260	100

Источник: рассчитано авторами по данным МВД РФ. Мониторинг Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring. (дата обращения: 15.03.2020).

грамма начала реализовываться в 12 пилотных субъектах РФ, среди которых были три региона Дальневосточного федерального округа (Приморский, Хабаровский край, Амурская область). В 2009 г. к реализации Государственной программы приступил Камчатский край, в 2010 г. — Еврейская автономная область, в 2011 г. — Сахалинская область и в 2013 г. — Магаданская область, а с 2020 г. — Чукотский автономный округ. На 1 января 2010 г. в Россию по этой программе с начала ее реализации прибыло 15,3 тыс. чел., а в 2010 г. около 13 тыс. соотечественников. Численность переселившихся в РФ по этой программе с 2011 г. представлена в таблице 3. На начало 2020 г. по Государственной программе в Российскую Федерацию переселилось 931,6 тыс. соотечественников. Наибольшее количество прибывших — 42,4 % — выбрали в качестве места проживания Центральный федеральный округ и только 5,5 % поселились на территории ДВФО (табл. 3).

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников достаточно активно обсуждалась в научной литературе с разных позиций [8, 13–15]. Первые годы реализации Государственной программы показали, что программа существенно запоздала по времени своего принятия и требует определенных изменений. В момент ут-

проживающих за рубежом. Указ Президента РФ № 637 от 22.06.2006 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/436744671> (дата обращения: 10.03.2020).

верждения программы большинство соотечественников в странах СНГ, желающих переселиться в Россию на постоянное жительство, уже это сделали или приспособились к новым социально-экономическим условиям жизни в стране своего проживания.

В 2012 г. была принята новая редакция программы. Она приобрела бессрочный характер и расширила круг соотечественников, которые могут участвовать в ней, существенно облегчила и упростила условия их переезда в Россию. Все регионы России, участвующие в реализации Государственной программы, были разделены на обычные и приоритетные.

Для соотечественников, желающих переселиться в приоритетный регион, предусмотрены повышенные меры поддержки: подъемные участника Государственной программы составляют 240 тыс. руб., каждого члена его семьи — 120 тыс. руб., предусмотрена компенсация затрат на их проезд и расходов на провоз личного имущества, выплаты ежемесячного пособия при отсутствии дохода (до 6 месяцев), а также возможность в упрощенном порядке (в срок до 3 месяцев) оформить российское гражданство. Возможность в упрощенном порядке получить гражданство РФ является важным преимуществом участников Государственной программы и членов их семей, но оно во многом нивелируется требованием наличия регистрации по месту жительства в России, которое сложно осуществить из-за отсутствия доступного жилья.

Все регионы Дальнего Востока России входят в группу приоритетных регионов Госу-

Таблица 4

Численность соотечественников, переселившихся в РФ в рамках Государственной программы, по субъектам ДВФО, чел.

Table 4

Compatriots who resettled in the Russian Federation under the State Programme by constituent entities of the Far Eastern Federal District, people

Регион	Численность соотечественников, переселившихся в РФ по годам								
	2007–2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2007–2019	2007–2019, %
Камчатский край	1405	511	481	399	448	251	468	3963	7,8
Приморский край	3652	2174	4202	2354	1556	1200	1620	16758	33,0
Хабаровский край	2442	2042	2738	2096	2038	1854	2263	15473	30,4
Амурская область	1843	556	1019	503	495	463	545	5424	10,7
Магаданская область	—	514	845	876	436	360	412	3443	6,8
Сахалинская область	352	855	744	707	433	374	408	3873	7,7
Еврейская автономная область	493	277	280	286	25	47	146	1554	3,1
Республика Саха	—	—	—	—	—	101	136	237	0,5
Всего	10241	6929	10309	7221	5431	4650	6098	50879	100

Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ и МВД РФ. Мониторинг Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravljenija/guvvm/compatriots/monitoring. (дата обращения: 20.03.2020).

дарственной программы. В таблице 4 представлена динамика переселения соотечественников в рамках программы по регионам Дальневосточного федерального округа.

За весь период действия Государственной программы на 1 января 2020 г. в регионы Дальневосточного федерального округа, без учета новых субъектов округа — Забайкальского края и Республики Бурятия, переселилось 50 879 чел. Наибольшее количество переселившихся в РФ соотечественников в рамках этой программы поселилось на территориях Приморского и Хабаровского края (табл. 4). При этом основным источником миграционного пополнения регионов Дальнего Востока России были страны СНГ, более 75 % переселившихся в регион — люди трудоспособного возраста. До 2014 г. наибольшее количество переселившихся на Дальний Восток России были выходцами из Казахстана, Таджикистана, Молдавии и Украины [13].

В 2014–2016 гг. количество соотечественников, переселившихся в регион по Государственной программе, существенно возросло, наибольшее их количество переехало с Украины. Это стало следствием политических событий на Украине и влияния активизации реализации Государственной программы в новой ее редакции.

На Государственную программу возлагались большие надежды по улучшению демографической ситуации как в России, так и на Дальнем Востоке. Однако они пока не оправдываются,

количество прибывших по программе соотечественников не столь значительно, чтобы существенно повлиять на демографическую ситуацию, по крайней мере, на Дальнем Востоке России.

Другая важная программа, реализуемая на Дальнем Востоке России, — программа «Дальневосточный гектар». В соответствии с Федеральным законом от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» каждый гражданин РФ имеет право единожды бесплатно получить 1 гектар земли на Дальнем Востоке под строительство жилья, переезд на постоянное место жительства, развитие фермерского хозяйства или занятие предпринимательской деятельностью. Программа «Дальневосточный гектар» вступила в силу 1 июня 2016 г. для жителей Дальневосточного федерального округа, а с 1 февраля 2017 г. ее действие распространено на всех граждан России и продолжается в настоящее время [16]. Эта программа имеет важные цели: привлечение граждан на постоянное место жительства на Дальний Восток России, сокращение оттока населения из региона, повышение эффективности и активизация предпринимательской деятельности на этой территории.

Проблемы и промежуточные итоги реализации программы «Дальневосточный гектар» представлены и обсуждались в работах [17–19]. За весь период реализации программы «Дальневосточный гектар» (по данным на 1 февраля 2020 г.), землю получили почти 78 тыс. чел. Наибольшее количество земельных участков предоставлено в Приморском крае — 21 тыс. га, в Республике Саха (Якутия) — 13,7 тыс. га, в Хабаровском крае — 12 тыс. га. В 2019 г. на территории Забайкальского края и Республики Бурятия стартовал первый этап программы «Дальневосточный гектар», по которой жители этих новых регионов Дальневосточного федерального округа могут получить землю в своем регионе. К 1 февраля 2020 г. 2127 чел. получили землю в Забайкальском крае и 1276 чел. — в Республике Бурятия¹. С 1 февраля 2020 г. любой житель Дальневосточного федерального округа может получить землю в Забайкалье и Бурятии, а с 1 августа 2020 г. — житель России и участник Государственной программы по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

В основном землю по программе «Дальневосточный гектар» берут для индивидуального жилищного строительства (54 % на 1 февраля 2020 г.), для использования под сельхозугодья и занятий сельскохозяйственной деятельностью (24 %), для ведения подсобного хозяйства или обустройства садового участка (7 %), для реализации проектов в туристической деятельности (8 %), для открытия магазинов, кафе, технических центров (7 %)².

Большинство участников программы «Дальневосточный гектар» — жители Дальневосточного федерального округа, их количество составляет 90 % от всех участников программы. Если учесть, что земельные участки по программе «Дальневосточный гектар», как правило, находятся вдали от населенных пунктов и не имеют необходимой для жизнедеятельности инфраструктуры, то 10 % участников программы, не проживающих в Дальневосточном федеральном округе, очень оптимистичное число. Ведь потребуются значительные финансовые затраты на переселение таких участников и освоение таких земель, а уровень и качество жизни на этих территориях существенно ниже и хуже, чем в среднем по России.

¹ ФИС «На Дальний Восток» Программа Дальневосточный гектар. URL <https://надальнийвосток.рф/news/detail?id=665> (дата обращения: 20.03.2020).

² ФИС «На Дальний Восток» Программа Дальневосточный гектар. URL <https://надальнийвосток.рф/news/detail?id=665> (дата обращения: 20.03.2020).

В 2014 г. были определены условия, правовые основы и механизмы формирования территорий опережающего развития (ТОР). Согласно федеральному закону, ТОР — это «часть территории субъекта Российской Федерации, на которой установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»³. Формирование ТОР в Дальневосточном федеральном округе должно способствовать не только развитию инновационных и экспортоориентированных видов деятельности и производств, но и социальному развитию территорий и повышению уровня жизни населения, что должно влиять на уменьшение миграционного оттока населения из этих регионов России.

Компаниям — резидентам ТОР предоставляется определенная система льгот: налоговые каникулы на 10 лет, снижение ставки налога на прибыль, освобождение от земельного и имущественного налогов, низкие ставки арендной платы за пользование объектами недвижимого имущества, применение таможенной процедуры как для свободной таможенной зоны, особый режим землепользования, упрощенный порядок привлечения квалифицированного иностранного персонала. Особо отметим льготы компаний — резидентов ТОР, которые непосредственно влияют на миграционные процессы в регионе — особый режим привлечения и использования иностранных работников. На эти предприятия иностранные работники могут привлекаться вне установленных в регионе квот.

Территории опережающего развития созданы во всех субъектах Дальневосточного федерального округа, за исключением Магаданской области, и достаточно детально описаны в работах [8, 20, 21].

На 1 января 2020 г. в Дальневосточном федеральном округе функционировало 20 территорий опережающего развития (табл. 5). По данным Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики на начало 2020 г. количество предприятий — резидентов ТОР достигло 1425 ед., накопленные инвестиции резидентов ТОР

³ Федеральный закон № 473-ФЗ от 29.12.2014. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201412290024.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

Таблица 5

Сведения о территориях опережающего развития в Дальневосточном федеральном округе на 1 января 2020 г.

Table 5

Information on Priority Development Areas (PDAs) in the Far Eastern Federal District as of January 1, 2020

№	Название ТОР	Дата постановления Правительства РФ	Субъект ДВФО	Основная сфера деятельности	Кол-во резидентов, ед.	Кол-во новых рабочих мест, ед.
1	Белогорск	21.08.2015	Амурская область	АПК, пищевые производства, переработка сырья	6	528
2	Приамурская	21.08.2015	Амурская область	промышленность, транспортно-логическая	7	230
3	Камчатка	28.08.2015	Камчатский край	добыча полезных ископаемых, туризм, рыбопереработка	77	133
4	Надеждинская	25.06.2015	Приморский край	транспортно-логическая, промышленность	48	387
5	Михайловский	28.08.2015	Приморский край	АПК, сельское хозяйство	16	1358
6	Индустриал. парк Кангалассы	25.06.2015	Республика Саха (Якутия)	производство строительных материалов	16	172
7	Комсомольск	25.06.2015	Хабаровский край	промышленность, туризм	20	1198
8	Хабаровск	25.06.2015	Хабаровский край	транспортно-логическая, промышленность	32	2130
9	Беринговский	21.08.2015	Чукотский АО	добыча полезных ископаемых	44	81
10	Амуро-Хинганская	27.08.2015	Еврейский АО	металлургия, деревообработка	3	755
11	Большой Камень	28.01.2016	Приморский край	судостроение, строительство	18	4108
12	Южная Якутия	28.12.2016	Республика Саха (Якутия)	горно-обогатительные комплексы, переработка	12	6856
13	Горный воздух	17.03.2016	Сахалинская область	туризм, строительство	22	457
14	Южная	17.03.2016	Сахалинская область	сельское хозяйство, пищевая промышленность	7	172
15	Нефтехимическая	07.03.2017	Приморский край	нефтепереработка	1	0
16	Николаевск	19.04.2017	Хабаровский край	судоремонт, рыбопереработка	7	126
17	Свободный	03.06.2017	Амурская область	переработка нефти и газа, строительные материалы	4	47
18	Курилы	23.08.2017	Сахалинская область	рыбопереработка	1	—
19	Бурятия	14.06.2019	Республика Бурятия	АПК и пищевая промышленность	2	—
20	Забайкалье	31.07.2019	Забайкальский край	переработка сырья, машиностроение	12	—

Источник: рассчитано авторами по данным: Реестр резидентов территорий опережающего развития. URL: <https://invest.khv.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

превысили 600 млрд руб., создано 22 250 рабочих мест¹. Эти данные не соответствуют дан-

ным в таблице 5, в которой количество резидентов ТОР определялось из реестра резидентов ТОР, а количество созданных рабочих мест в ТОР — из мониторинга реализованных инвестиционных проектов на этих территориях.

¹ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.ru/press-center/> (дата обращения: 15.03.2020).

Свободный порт Владивосток (СПВ) тоже стал территорией со специальным режимом предпринимательской деятельности с октября 2015 г. (Федеральный закон № 212 «О свободном порте Владивосток») В 2016 г. действие закона распространилось на 16 муниципальных образований Приморского края и 4 муниципальных района в других субъектах Дальневосточного федерального округа: Петропавловск-Камчатский городской округ (ГО), Ванинское муниципальное образование, ГО Корсаковский, ГО Певек, включая акватории морских портов, расположенных на этих территориях.

Особый правовой режим СПВ в соответствии с действующим законодательством предусматривает целый комплекс льгот и преференций для резидентов. В работе [21] проведен сравнительный анализ льгот и преференций для резидентов ТОР и СПВ. В мировой практике свободный порт — это территория порта с прилегающей акваторией, на которой полностью или частично отсутствуют таможенные пошлины и налоги, введен льготный режим ввоза, вывоза и реэкспорта товаров [9]. В Федеральном законе № 212 под Свободным портом Владивосток понимается «часть территории Приморского края, на которой... устанавливаются меры государственной поддержки предпринимательской деятельности». Как отмечали многие эксперты, это не согласуется со сложившейся мировой практикой [8].

Резиденты СПВ, в отличие от резидентов ТОР, могут осуществлять практически любой вид деятельности, за исключением ограниченного числа запрещенных видов деятельности, таких как добыча нефти и газа, производство определенных видов подакцизных товаров и различных видов административных услуг. В работе [20] проводился сравнительный анализ динамики развития ТОР и СПВ по количеству резидентов этих территорий и их динамике. Статистика резидентов, полученная из официальных ресурсов, показывает, что число резидентов СПВ почти в 3 раза превышает их число в ТОР и скорость притока резидентов в СПВ значительно выше, чем в ТОР. В реестре резидентов Свободного порта Владивостока на 05.03.2020 г. зарегистрировано 1814 действующих резидентов¹. На территории СПВ на эту дату созданы и успешно функционируют 174 предприя-

тия. Объем инвестиций резидентов СПВ вырос до 122 млрд руб.²

Основным инструментом государственного регулирования развития Дальнего Востока России выступает федеральная целевая программа «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья», которая неоднократно видоизменялась. Однако у всех вариантов программы были единая идеология, нацеленность на решение общих проблем субъектов ДФО: увеличение темпов роста экономики и численности населения, развитие инфраструктуры. Успешность реализации этой программы оказывает непосредственное влияние на миграционные процессы в регионе. Социально-экономическое развитие региона не только привлекает трудовых мигрантов в регион, но и сдерживает отток коренных жителей территорий и способствует привлечению переселенцев на постоянное место жительства в регион. Однако в последние годы федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» испытывала хроническое недофинансирование программных мероприятий, и значимых результатов от ее реализации не наблюдается [8].

Методика оценки результативности инструментов миграционной политики

Новые инструменты миграционной политики на Дальнем Востоке России за несколько лет существования и реализации получили неоднозначные оценки: от утверждений об их высокой эффективности до отрицания их благотворного влияния на социально-экономическое развитие региона и в целом целесообразности их существования и реализации в таком виде и формате [8, 21, 23, 24]. Сальдо миграции по регионам Дальнего Востока России по всем субъектам Дальневосточного федерального округа, за редким исключением, имеет отрицательные значения (табл. 6).

В этих условиях необходимо применить более тонкие количественные методы оценки результативности новых инструментов миграционной политики и их влияния на величину миграционного оттока из региона. В нашем случае для применения стандартного метода *DID* (*difference-in-difference technique*) данных очень мало и сложно в явном виде выделить контрольную группу. В работах [25, 26] предложено использовать метод синтетической контроль-

¹ Реестр резидентов Свободного порта Владивосток. URL: <https://vlc.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

² АО Корпорация развития Дальнего Востока. URL: <https://erdc.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

Таблица 6

Миграционное сальдо по субъектам ДВФО (без Республики Бурятия и Забайкальского края), тыс. чел.

Table 6

Migration balance by constituent entities of the Far Eastern Federal District (excluding the Republic of Buryatia and Zabaykalsky Krai), thousand people

Регион	Миграционное сальдо по годам						
	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019
ДФО	-35,8	-27,4	-24,1	-17,4	-17,1	-21,1	-7,2
Республика Саха (Якутия)	-6,4	-7,1	-5,4	-4,1	-4,6	-2,9	-0,3
Камчатский край	-5,1	-1,0	-1,7	-1,8	0,5	-0,7	-1,6
Приморский край	-4,2	-7,0	-2,8	-3,2	-5,6	-4,7	0,06
Хабаровский край	-2,2	-2,6	-4,9	-1,6	-3,7	-4,9	-3,06
Амурская область	-4,3	-3,7	-3,8	-3,3	-2,1	-3,4	0
Магаданская область	-5,1	-1,9	-1,7	-0,7	-1,4	-2,7	-0,7
Сахалинская область	-5,0	-3,1	-1,3	-0,5	2,4	-0,3	-1,07
Еврейская автономная область	-0,7	-0,6	-2,0	-1,6	-1,9	-1,8	-1,04
Чукотский авт. округ	-3,4	-0,9	-0,6	-0,5	-0,7	0,2	0,5

Источник: составлено авторами по данным: Демографический ежегодник России 2019. Стат. сб. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 20.03.2020).

ной группы (*synthetic control method*) в том случае, когда не удается найти в явном виде контрольную группу.

Предлагается использовать этот метод для оценки результативности следующих инструментов миграционной политики, реализуемых в Дальневосточном регионе: программа «Дальневосточный гектар», формирование территорий опережающего развития и территорий со специальным режимом предпринимательской деятельности, Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников в новой редакции, федеральная целевая программа «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья» во всех ее вариациях, реализуемых с 2011 г.

Метод синтетической контрольной группы использовался для каждого субъекта Дальневосточного федерального округа, за исключением новых регионов, включенных в состав округа в 2018 г. Синтетический контрольный регион формируется из субъектов Сибирского федерального округа, исключая Республику Бурятия, Забайкальский край и Иркутскую область. В выбранных регионах Сибирского федерального округа, которые находятся в природно-климатических и географических условиях, близких к условиям регионов Дальнего Востока России, оцениваемые инструменты миграционной политики не применялись совсем или в том виде, как в Дальневосточном регионе. Эти регионы не относятся к приоритетным при реализации новой редакции Государственной программы по оказанию содействия добровольному пере-

селению соотечественников. Территории опережающего социально-экономического развития в моногородах с низким социально-экономическим развитием в этих регионах создавались в основном в 2018 г. и позже и имеют меньше преференций, чем территории опережающего развития в регионах ДВФО. До 1 января 2018 г. в регионах Сибирского федерального округа, выделенных для формирования синтетических контрольных групп, были созданы только три территории опережающего развития: Юрга (дата создания 07.07.2016), Анжеро-Судженск (19.09.2016) в Кемеровской области, Абаза (24.07.2017) в Республике Хакасия¹.

Формируем синтетические контрольные группы, используя факторную модель:

$$Y_{it} = X_{1it}\beta_1 + X_{2it}\beta_2 + X_{3it}\beta_3 + X_{4it}\beta_4 + G_{it}\alpha + f_t + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где Y_{it} — миграционный отток в i -м регионе в году t ; X_{1it} — объем ВРП на душу населения в i -м регионе в году t ; X_{2it} — численность населения в регионе i в году t ; X_{3it} — товарооборот на душу населения в регионе i в году t ; X_{4it} — объем инвестиций в регионе i в году t ; G_{it} — вектор ненаблюдаемых латентных факторов; α — вектор соответствующих им факторных нагрузок; f_t — общий фактор для всех регионов; $\beta_1 - \beta_4$ — оценки соответствующих коэффициентов; ε_{it} — ошибки, независимые, одинаково распределенные случайные величины.

¹ Полный список преференциальных территорий. URL: <https://решение-верное.пф/тосер/all/> (дата обращения: 15.03.2020).

Для построения синтетического контрольного региона подбираем веса $w_i \geq 0$, используя методы оптимизации, таким образом, что

$$\sum_{i=2}^n w_i = 1, \quad \sum_{i=2}^n w_i X_{kit} = X_{k1t}, \quad k = 1, 2, 3, 4.$$

$$\sum_{i=1}^n w_i Y_{it} = Y_{1t}, \quad (2)$$

где $i = 1$ соответствует субъекту Дальневосточного федерального округа, для которого формируется синтетический контрольный регион, t изменяется от 1997 г. до 2010 г.

Эти процедуры метода синтетической контрольной группы обеспечивают близость значений показателей X_{k1t} , $k = 1, 2, 3, 4$ и миграционного оттока в период с 1997 г. по 2010 г. для каждого региона ДВФО и сформированного для него синтетического контрольного региона.

Для анализа влияния изменений миграционной политики на миграционный отток из субъектов Дальневосточного федерального округа были сформированы следующие оценки:

$$a_{it} = Y_{it} - Y_{it}^k, \quad (3)$$

где Y_{it} — миграционный отток из региона i Дальневосточного федерального округа в году t , Y_{it}^k — миграционный отток из синтетического контрольного региона для региона i в году t , t изменяется от 2011 г. до 2018 г.

При этом $Y_{it}^k = \sum_{j=2}^n w_j Y_{jt}$, где w_j — вычисленные для i -го синтетического региона весовые коэффициенты, Y_{jt} — миграционный отток в году t из соответствующих регионов Сибирского федерального округа. Возможность такой оценки для синтетического региона обоснована в работе [24]. Далее с использованием t -критерия проверялась нулевая гипотеза о равенстве нулю средних значений полученных оценок a_{it} .

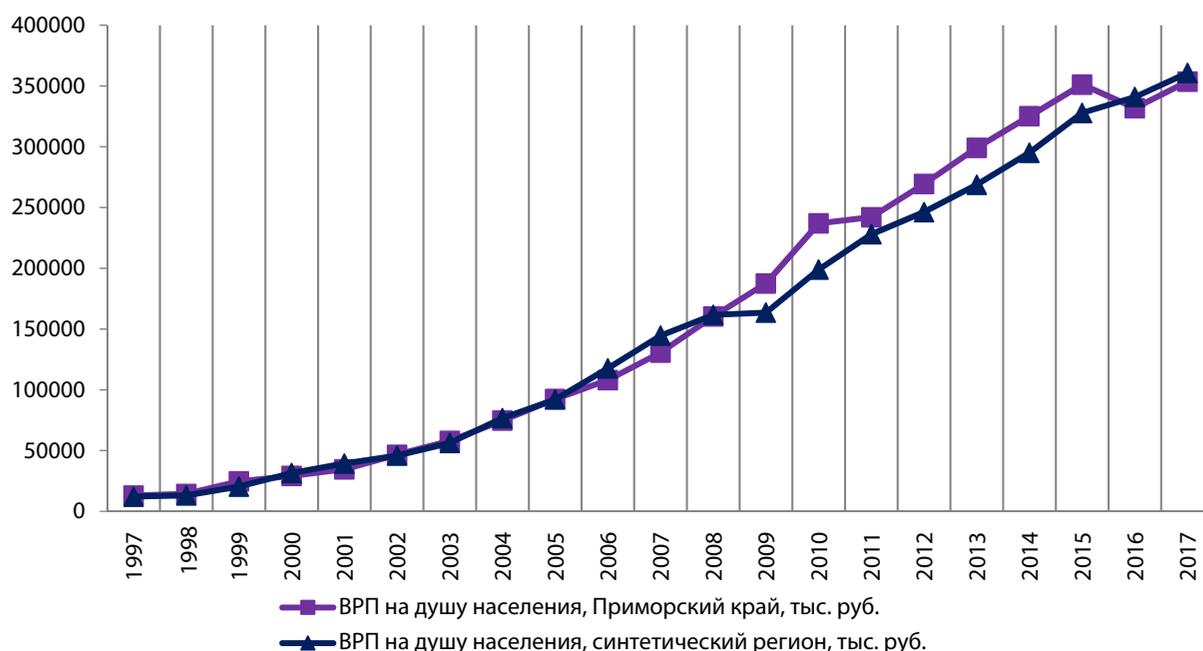
Полученные результаты

В таблице 7 представлены вычисленные весовые коэффициенты для синтетических контрольных регионов для каждого субъекта ДВФО, за исключением Республики Бурятия и Забайкальского края.

Для примера и иллюстрации близости траекторий экономического развития реального и синтетического регионов на рисунке представлена динамика показателя «объем ВРП на душу населения» для Приморского края и сформированного для него синтетического контрольного региона (рис.).

Расчетные значения оценок a_{it} приведены в таблице 8.

Вычисления показали, что средние значения оценок статистически значимо отличаются от нуля и являются отрицательными числами. Следовательно, реализация новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе приводит к зна-

Рис. Траектория значений показателя «объем ВРП на душу населения» для Приморского края и сформированного для него синтетического контрольного региона за период 1997–2018 гг.

Fig. The trajectory of the “Gross regional product (GRP) per capita” indicator for Primorsky Krai relative to a comparable synthetic control region, 1997–2018

Таблица 7

Значения весовых коэффициентов для синтетических контрольных регионов

Table 7

Weight coefficient values for synthetic control regions

Регионы	Респ. Алтай	Республика Тыва	Республика Хакасия	Алтайский край	Красноярский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область
Республика Саха (Якутия)					0,405				0,595
Камчатский край	0,164								0,836
Приморский край	0,052	0,053	0,063	0,359	0,193	0,007	0,056	0,114	0,103
Хабаровский край	0,018	0,017	0,019	0,020	0,125	0,027	0,328	0,023	0,423
Амурская область	0,443		0,049	0,036	0,193	0,047	0,039	0,042	0,152
Магаданская область	0,209								0,791
Сахалинская область					0,055				0,945
Еврейская автономная область	0,845								0,146
Чукотский авт. округ	0,848								0,152

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 8

Динамика миграционного оттока и значений оценок a_{it} для регионов ДВФО, 2011–2018 гг., чел.

Table 8

Dynamics of migration outflow and values of a_{it} estimates for the constituent entities of the Far Eastern Federal District, 2011–2018, people

Регион	Тип	2011	2012	2016	2017	2018	Всего за период
Республика Саха (Якутия)	реал.	17 385	19 209	19 640	17 386	17 505	17 710
	синт.	17 232	23 054	25 430	26 347	27 605	28 240
	a_{it}	153	-3 845	-5 790	-8 979	-10 100	-10 530
Камчатский край	реал.	7 580	8 972	10 213	9 222	9 092	9 372
	синт.	8 779	11 260	11 529	12 092	12 233	12 598
	a_{it}	-1 199	-2 288	-1 316	-2 870	-3 141	-3 226
Приморский край	реал.	20 718	25 133	28 352	25 292	25 661	25 565
	синт.	20 511	24 800	26 804	26 707	27 656	28 402
	a_{it}	207	333	1 548	-1 415	-1 995	-2 837
Хабаровский край	реал.	17 617	25 017	27 268	26 303	25 670	25 103
	синт.	16 538	21 142	23 081	24 445	25 605	26 098
	a_{it}	1 079	3 875	4 187	1 858	65	-995
Амурская область	реал.	11 859	12 531	14 059	12 697	12 666	12 932
	синт.	12 577	15 775	17 299	17 837	18 568	19 159
	a_{it}	-718	-3 244	-3 240	-5 140	-5 902	-6 227
Магаданская область	реал.	4 868	5 708	5 703	5 645	5 739	5 974
	синт.	8 494	12 293	13 053	13 731	14 653	14 953
	a_{it}	-3 626	-6 585	-7 350	-8 086	-8 914	-8 979
Сахалинская область	реал.	8 928	11 343	12 325	11 297	11 235	11 293
	синт.	10 824	15 634	16 703	17 572	18 695	19 063
	a_{it}	-1 896	-4 291	-4 378	-6 275	-7 460	-7 770
Еврейская автономная область	реал.	3 638	4 253	4 750	4 344	4 441	4 136
	синт.	4 411	5 582	6 019	6 131	6 500	6 719
	a_{it}	-773	-1 329	-1 269	-1 787	-2 059	-2 583
Чукотский авт. округ	реал.	2 380	3 312	3 888	4 039	4 252	4 082
	синт.	4 449	5 645	6 085	6 202	6 575	6 795
	a_{it}	-2 069	-2 333	-2 197	-2 163	-2 323	-2 713

Источник: рассчитано авторами.

чимому сокращению миграционного оттока из Дальневосточного федерального округа.

Заключение

Новые инструменты миграционной и региональной политики, активно реализуемые в последние годы в Дальневосточном федеральном округе, привели к положительному эффекту — значимому сокращению оттока населения из региона. Предложенный в работе методический подход позволил оценить результативность в совокупности всех новых инструментов миграционной политики, реализуемых в этом макрорегионе. К сожалению, этот подход не позволяет оценить результативность каждого инструмента по отдельности, и это является актуальной научной проблемой при малом количестве наблюдений. Действительно, по результативности каждого инструмента миграционной политики, реализуемого в Дальневосточном федеральном округе, имеются определенные вопросы и сомнения.

Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников

имеет явные акценты на организованное пополнение территорий трудовыми ресурсами, и при этом на второй план уходят вопросы репатриации соотечественников, проблемы адаптации и обустройства переселенцев на новом месте жительства. Решение этих проблем, как и многих других по реализации миграционной политики на местах, в конечном итоге ложится на плечи органов местного самоуправления, которые не имеют соответствующих закрепленных полномочий, но, как правило, имеют ограниченные дотационные бюджеты.

Реализация новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе приводит к значительным инвестиционным вложениям бюджетных средств в инфраструктурные проекты, в инфраструктурное и коммуникационное обеспечение территорий опережающего развития и специального режима предпринимательской деятельности. При этом мультипликативного эффекта от этих вложений в ближайшее время ожидать не приходится, и величина его может оказаться весьма скромной.

Список источников

1. Михеева Н. Н., Ананьева Р. И. Инструменты региональной политики. Оценка эффективности использования // Регион. Экономика и социология. 2011. № 3. С. 39–57.
2. Вулдридж Д. М. Оценивание методом «разность разностей» // Квантиль. 2009. № 6. С. 25–47.
3. Card D., Krueger A. B. Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania // The American Economic Review. 1994. Vol. 84(4). P. 772–793.
4. Вакуленко Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России. Что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. № 3 (55). С. 113–138. doi: 10.24411/1993–7601–2019–10013.
5. Шмачкова А. Н. Эффективность миграционной политики в современной России // Научные записки молодых исследователей. 2019. № 4. С. 11–28.
6. Ruhs M. Openness, skills and rights: An empirical analysis of labour immigration programmes in 46 high and middle income countries // COMPAS Working Paper. University of Oxford. 2011. № 88. 68 p.
7. Landmann T. Measuring Human Rights: Principle, Practice, and Policy // Human Rights Quarterly. 2004. Vol. 26. P. 906–931.
8. Леонов С. Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. doi: 10.14530/se.2017.2.041–067.
9. Кузнецова О. В. Особые экономические зоны. Эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 129–152. doi: 10.14530/se.2016.4.129–152.
10. Васильева А. В. Оценка эффективности регулирования международной трудовой миграции в регионе // Региональная экономика. Теория и практика. 2015. № 38(413). С. 20–32.
11. Воробьева О. Д. Методологические проблемы разработки и реализации государственной миграционной политики // Экономическая наука современной России. 2005. № 4(31). С. 85–102.
12. Мотрич Е. А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России. Основные тренды и вызовы // Народонаселение. 2016. № 1–1(71–1). С. 25–33.
13. Мищук С. Н., Тайорова М. А., Беспалова Н. В. Переселение соотечественников в Дальневосточный федеральный округ. Проблемы и их решения // Власть и управление на Востоке России. 2014. № 2(67). С. 54–61.
14. Изотов Д. А. Ускорение экономики Дальнего Востока. Помогут ли новые институты // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 155–163.
15. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Савинков В. И. Основные проблемы современной миграционной политики России // Народонаселение. 2016. № 4. С. 4–13.
16. Яковлев А. Н. Программа «Дальневосточный гектар» как средство модернизации земельных ресурсов в Дальневосточном Федеральном округе. На примере Республики Саха (Якутия) // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 309–313.

17. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64 (3). P. 471–493. doi: 10.1080/09668136.2012.661926.
18. Журавская Т. Н., Феоктистова К. И. Программа «Дальневосточный гектар». Институциональный подход // *Пространственная экономика*. 2019. № 2. С. 92–109. doi: 10.14530/se.2019.2.092–109.
19. Мазелис А. Л., Гусев Е. Г. Проблема оценки реализации программы Дальневосточный гектар // *Азимут научных исследований. Экономика и управление*. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 190–193.
20. Кашина Н. В. Территории опережающего развития. Новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России // *Экономика региона*. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 569–585. doi: 10.17059/2016–2–21.
21. Hirofumi A. New Instruments Attracting Investment into the Russian Far East: Preliminary Assessment // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 1. С. 157–169. doi: 10.14530/se.2019.1.157–169.
22. Ниязова М. В. Влияние особых правовых режимов предпринимательства на экономику Дальнего Востока России // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2019. № 48. С. 83–100. doi: 10.17223/19988648/48/7.
23. Изотов Д. А. Дальний Восток. Новации в государственной политике // *ЭКО*. 2017. № 4. С. 27–44.
24. Хан Н. У. Развитие Дальнего Востока России в условиях новой экономической ситуации в мире // *ЭКО*. 2017. № 3. С. 5–20.
25. Abadie A., Cardeazabal J. The Economic Costs of Conflict: A Case Study of the Basque Country // *American Economic Review*. 2003. Vol. 93(1). P. 112–132. doi: 10.1257/000282803321455188.
26. Abadie A., Diamond A., Hainmueller J. Comparative Politics and the Synthetic Control Method // *American Journal of Political Science*. 2015. Vol. 59, № 2. P. 495–510. doi: 10.1111/ajps.12116.

References

1. Mikheyeva, N. N. & Ananyeva, R. I. (2011). Tools of regional policy: assessing the efficiency of their application. *Region: Ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and sociology]*, 3, 39–57. (In Russ.)
2. Wooldridge, J. M. (2009). Difference-in-differences estimation. Trans. from English. *Kvantile [Quantile]*, 6, 25–47. (In Russ.)
3. Card, D. & Krueger, A. B. (1994). Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania. *American Economic Review*, 84(4), 772–793.
4. Vakulenko, E. S. (2019). Motives for internal migration in Russia: what has changed in recent years? *Prikladnaya ekonometrika [Applied econometrics]* 3(55), 113–138. DOI: 10.24411/1993–7601–2019–10013. (In Russ.)
5. Shmachkova, A. N. (2019). Efficiency of migration policy in modern Russia. *Nauchnye zapiski molodykh issledovateley [Scientific notes of young scientists]*, 4, 11–28. (In Russ.)
6. Ruhs, M. (2011). *Openness, Skills and Rights: An Empirical Analysis of Labour Immigration Programmes in 46 High- and Middle-Income Countries*. COMPAS Working Paper No. 88. University of Oxford, 68.
7. Landmann, T. (2004). Measuring Human Rights: Principle, Practice, and Policy. *Human Rights Quarterly*, 26, 906–931.
8. Leonov, S. N. (2017). Tools of the State Regional Policy in the Russian Far East. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economics]*, 2, 41–67. DOI: 10.14530/se.2017.2.041–067. (In Russ.)
9. Kuznetsova, O. V. (2016). Special Economic Zones: Efficient or Not? *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economics]*, 4, 129–152. DOI: 10.14530/se.2016.4.129–152/. (In Russ.)
10. Vasil'eva, A. V. (2015). Evaluation of the effectiveness of international labor-migration regulation in the region. *Regionalnaya ekonomika: Teoriya i praktika [Regional economics: theory and practice]*, 38(413), 20–32. (In Russ.)
11. Vorobyeva, O. D. (2005). Methodological questions of national migration policy development and realization. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 4(31), 85–102. (In Russ.)
12. Motrich, E. A. (2016). Demographic situation in the Russian Far East: the key trends and challenges. *Narodonaselenie [Population]*, 1–1(71–1), 25–33. (In Russ.)
13. Mishchuk, S. N., Tayorova, M. A. & Bespalova, N. V. (2014). Compatriots' resettlement to the Far-Eastern Federal District: problems and their solutions. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and administration in the East of Russia]*, 2(67), 54–61. (In Russ.)
14. Izotov, D. A. (2008). The desire to speed up the Russian far eastern economy: will the “new” institutional conditions help? *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2(38), 155–163. (In Russ.)
15. Vorobyeva, O. D., Rybakovsky, L. L. & Savinkov, V. I. (2016). The main problems of the current migration policy of Russia. *Narodonaselenie [Population]*, 4, 4–13. (In Russ.)
16. Yakovlev, A. N. (2019). The program “Far Eastern hectare” as a means of modernization of land resources in the far Eastern Federal district (on the example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Innovatsii i investitsii [Innovations and Investments]*, 9, 309–313. (In Russ.)
17. Kuhrt, N. (2012). The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*, 64(3), 471–493. DOI: 10.1080/09668136.2012.661926.
18. Zhuravskaia, T. N. & Feoktistova, K. I. (2019). The Program ‘Far Eastern Hectar’: Institutional Approach. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economics]*, 2, 92–109. DOI: 10.14530/se.2019.2.092–109. (In Russ.)

19. Mazelis, A. L. & Gusev, E. G. (2018). The problem of evaluation of implementation of the program of the Far Eastern hectare. *Azimuth nauchnykh issledovaniy. Ekonomika I upravlenie [Azimuth of scientific research: economics and administration]*, 4(25), 190–193. (In Russ.)
20. Kashina, N. V. (2016). Priority Development Areas: a New Tool for Attracting Investment in the Far East of Russia. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 2, 569–585. DOI: 10.17059/2016-2-21. (In Russ.)
21. Hirofumi, A. (2019). New Instruments Attracting Investment into the Russian Far East: Preliminary Assessment. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economics]*, 1, 157–169. DOI: 10.14530/se.2019.1.157-169.
22. Niyazova, M. V. (2019). The Impact of Special Legal Entrepreneurship Regimes on the Economy of the Russian Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics]*, 48, 83–100. DOI: 10.17223/19988648/48/7. (In Russ.)
23. Izotov, D. A. (2017). The Far East. Innovations in Public Policy. *EKO [ECO]*, 4, 27–44. (In Russ.)
24. Han, H. Y. (2017). Russia's Far East development under the new world economic environment. *Trans. EKO [ECO]*, 3, 5–20. (In Russ.)
25. Abadie, A., & Gardeazabal, J. (2003). The Economic Costs of Conflict: A Case Study of the Basque Country. *American Economic Review*, 93(1), 113–132. DOI: 10.1257/000282803321455188.
26. Abadie, A., Diamond, A. & Hainmueller, J. (2014). Comparative Politics and the Synthetic Control Method. *American Journal of Political Science*, 59(2), 495–510. DOI: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Doi:10.1111/ajps.12116>.

Информация об авторах

Шмидт Юрий Давыдович — доктор экономических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет; Scopus Author ID: 57224986982; <https://orcid.org/0000-0002-9628-5455> (Российская Федерация, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; e-mail: syd@dvfu.ru).

Ивашина Наталья Викторовна — кандидат экономических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет; Scopus Author ID: 57193734383; <https://orcid.org/0000-0002-7878-8876> (Российская Федерация, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; e-mail: ivashina.nv@dvfu.ru).

About the authors

Yury D. Schmidt — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Far Eastern Federal University, Scopus Author ID: 57224986982; <http://orcid.org/0000-0002-9628-5455> (10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russian Federation; e-mail: syd@dvfu.ru).

Natalya V. Ivashina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Far Eastern Federal University; Scopus Author ID: 57193734383; <http://orcid.org/0000-0002-7878-8876> (10, Ajax Bay, Russky Island, 690922, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: ivashina.nv@dvfu.ru).

Дата поступления рукописи: 16.04.2020.

Прошла рецензирование: 17.06.2020.

Принято решение о публикации: 18.06.2021.

Received: 16 Apr 2020.

Reviewed: 17 Jun 2020.

Accepted: 18 Jun 2021.